

ДРОМ

АНАСТАС

ГО

**Джон Маверик
Анастасия Галатенко
Graffitibook**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17128876

Аннотация

Граффити. Уличное искусство на грани закона. Днем Трефф – серьезная девушка, web-дизайнер. Ночью она переодевается в мужскую одежду и выходит на улицы, расписывает стены и выступает против засилья рекламы и безвкусицы на улицах. Ее восхищают работы известного мастера, творящего под псевдонимом NB (Эн-Би) и пропагандирующего идеи свободы. И когда Эн-Би разыскивает ее и предлагает поработать вместе, Трефф соглашается, не раздумывая. Она увлекается идеями мастера и готова помогать ему во всем. Однако вскоре замечает, что идеи его начинают обретать чересчур навязчивое звучание, вступающее в конфликт с самим понятием свободы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анастасия Галатенко, Джон Маверик

Graffitibook

Глава 1

Лапуся стоял на шухере, и с каждой минутой ему становилось все неудобнее. Сколько можно возиться? Нет, он понимал, конечно, что Треффу понадобится время – прикрепить трафарет, заполнить его... Но что-то уж слишком долго.

И темнота вокруг – как он видит только?

Раздался быстрый стук шагов, и Лапуся вздрогнул, сдерживаясь, чтобы не крикнуть. Но вот мимо пробежали двое, совершенно не обратив внимания ни на Лапусю, ни на возившегося наверху Треффа – можно расслабиться.

К перекрестку, рядом с которым стоял Лапуся, подъехала машина. Он напряг зрение, вглядываясь: не милиция ли? Нет, старый «Фольксваген» мигнул поворотником и скрылся.

На легком ветру шумела листва, освещенные редкими фонарями улицы московской окраины были пусты, и Лапуся подумал вдруг, что он остался совсем-совсем один. Мысль эта испугала его, и он обернулся.

Высокая, сухошавая фигура Треффа едва виднелась на фоне грязно-серой стены. Плакат с изображением лидера какой-то политической партии, еще сегодня вечером украшавший придорожный рекламный щит, уже не угадывался под слоем краски. Трефф работал быстро и четко. За его руками Лапуся не мог разглядеть рисунка, но помнил виденный накануне скетч¹ – иллюстрацию старого анекдота. Два силуэта – мужчины и осла – склонившихся над шахматами. Скетч был хорошим, это Лапуся понимал. Не понимал другого – какое отношение этот осел имеет к предвыборной кампании? И неужели нельзя было найти другое место для рисунка? Поспокойнее...

Снова прошуршали шины, и Лапуся вздрогнул. Вот сейчас Трефф дорисует, они попрощаются, и он, Лапуся, который здесь носит идиотскую кличку, а по паспорту – гордое имя Игорь Кириллов, вернется домой. И больше никогда, ни за что... И что его потянуло на улицу? Мало, что ли, способов самовыразиться с меньшим риском для своей задницы?

Например, блог. Выйдет он, Лапуся, в Интернет, и всему миру расскажет про вандалов, портящих почем зря стены и рекламные щиты! В Интернете, по крайней мере, можно выбрать прозвище самому. Он назовется скромно – Ирбис. Или Снежный Барс, чтобы понятнее было. А что, сильный, мощный зверь, который одной лапой перешибет того хлюпика, который наградил его кличкой «Лапуся». И Треффа, который обращается с ним как с мальчиком на побегушках. И всех остальных заодно.

Ну что же он так долго?

– Трефф! – позвал Лапуся, покидая пост.

– Чего тебе?

Знакомый высокий, чуть хрипловатый голос отозвался неожиданно близко.

Лапуся собирался спросить, долго ли еще Трефф будет возиться, но снова раздались шаги.

– Менты! – Трефф вскинул лохматую голову и принялся отдирать со стены трафарет.

Лапуся похолодел. В облюбованный граффитчиками переулок вальяжно зашли двое.

– Беги, идиот! – крикнул Трефф Лапусе. – Смывайся!

¹ Скетч (от англ. sketch – набросок) – эскиз будущего рисунка, выполненный в стилистике граффити в малом объеме (не более альбомного листа), чаще всего на бумаге, реже – картоне или пластике

Лапуся сорвался и побежал. Понесся в темноту переулка, туда, где через квартал началась стройка, а за ней – лесопарк. Там не горели фонари, и в любое другое время Лапуся не сунулся бы туда ночью, но теперь из двух зол приходилось выбирать меньшее.

Быстрые, догоняющие шаги за спиной заставили сердце удрать в пятки.

– Быстрее! – зашипел Трефф, схватил Лапусю, поволок за собой. – Быстрее, быстрее!

Трефф соскочил с тротуара. Лапуся прыгнул за ним и тут же почувствовал, как летит на асфальт. Схватился за подвернутую лодыжку и заскулил, не то от боли, не то от страха, а скорее просто надеясь вызвать сочувствие у преследователей.

Мент застыл над ним.

– Больно? – спросил он, и Лапусе показалось, что мент усмехнулся.

– Угу, – простонал в ответ Лапуся и принялся тереть лодыжку еще сильнее.

– Вставай, пацан, – мент помог Лапусе подняться. – До машины дойдешь?

Его хотят забрать в ментовку! Лапуся взвыл и принялся вырываться, начисто забыв про больную ногу.

– Отпустите меня! Отпустите! Я больше не буду! Я не буду больше!

– Чего не будешь-то? – усмехнулся в усы второй мент.

– Ничего не буду! – вопил Лапуся. – Это не я! Это Трефф! Я вообще первый раз...

– Это правда не он, – сказал Трефф.

Лапуся перестал трепыхаться и уставился на него со смесью радости и ненависти. Теперь эти двое будут просто обязаны везти в ментовку Треффа, а его, Лапусю, отпустят домой. И чтобы еще хоть раз?!

И все-таки... Трефф вернулся за ним, чертов благородный рыцарь! А ведь Лапуся сдал его. И как прикажете теперь себя чувствовать?

– Отпустите его, – голос Треффа звучал неуверенно. Но Лапусю отпустили. Он сел на тротуар, искоса поглядывая на ментов, потом вспомнил, что повредил ногу, и снова принялся яростно потирать лодыжку.

Один из ментов отвел Треффа в сторону, достал блокнот и принялся что-то записывать. Второй тем временем разглядывал смазанный в спешке силуэт осла. Лапуся прислушивался к голосам, к хриловатому тенорку Треффа, густому баритону милиционера, пытался разобрать слова, но ничего не слышал за биением собственного сердца.

Наконец, менты ушли. Трефф остался, что само по себе было удивительно.

– Пошли? – спросил Трефф.

– А... э...

– Они ушли. Я договорился. Пойдем?

Трефф, не дожидаясь, пока Лапуся встанет, зашагал в сторону лесопарка.

– Ты дал им... взятку? – спросил Лапуся, догнав его. Удивительно, как быстро ходит этот парень на своих ходулях, да еще с полным рюкзаком краски за спиной.

– Нет. Пообещал, что больше не буду, что ототру... Хотя это уже не ототрешь, и они это понимают. А еще, – Трефф хохотнул, – он предложил расписать ему гараж. На даче.

– А ты?

– А я сказал, что подумаю. Чтобы он отстал.

Лапуся покачал головой. Как же, как же, заливай, соловушка! Ясно же, что мент получил на лапу.

– Как нога-то? – вдруг спросил Трефф.

Лапуся вскинулся. Нога не болела, но не признаваться же, что выл он только от страха?

– Болит, – ответил он, прихрамывая и надеясь, что хромает на нужную ногу.

– Пойдем, провожу. Помощник, блин!

Трефф вывел Лапусю из трущоб, оставил на центральной улице города и скрылся в предутренней темноте. Отсюда до дома было рукой подать, и Лапуся не замедлил отправиться туда. И в который раз за эту ночь он проговорил, сперва про себя, а затем и вслух:

– Больше – никогда!

Лапуся отвязался быстро. Даже удивительно. Хотя разве мало их – таких вот ребят, вовсе не бездарных, возможно, неглупых, трусоватых всего-то чуть-чуть, которые ломаются, стоит им выйти на улицу? Это чтобы за мольбертом стоять с палитрой и кистями нужно только талант иметь и время. А улица устраивает гонки на выживание. Не прошел этап – выбыл из игры. Прошел – не расслабляйся.

Подумаешь, увидел Червонец на своей территории мальчишку с золотыми волосами до лопаток и баллончиком в руке. Ну обозвал Лапусей – беззлобно, ласково даже. Да и впрямь, кто же с такой гривой по улицам шляется? А парень сразу пошел чудить – побрился налысо, косуху где-то добыл, берцы... Кому и что он хотел доказать? Ведь как был Лапусей, так и остался, и только он один этого не понимает. Терпение и умение абстрагироваться от мелочей – едва ли не самые главные добродетели уличного художника. Без них твой удел – крыша над головой.

Дверь гаража открылась, пропуская тонкую фигурку с рюкзаком за спиной. Загорелся свет, безжалостно выдавая глазу спрятавшиеся в темноте вещи: старый мотороллер и круглый, таинственно поблескивающий в электрическом свете шлем, инструменты, банки с красками и аэрозоли, куски картона, ножи, раздвижную лестницу, разбросанные по всему гаражу скетчи.

Усталость, накопившаяся за ночь, давала о себе знать. Надо переодеться и идти домой. Очки легли на старый верстак, рабочая рубашка, насквозь пропитанная потом и красками, полетела в угол. Туда же отправились драные джинсы. Нормальная одежда была где-то там...

– Bay!

Резкий высокий голос заставил вздрогнуть и отскочить. У дальней стены, за кучей тряпья, обнаружился незванный гость. Без очков черт не разобрать, впрочем, очки тоже мало чем помогут – на лицо надвинут капюшон. Серая одежда почти сливается со стенами гаража. Как он оказался здесь?

– Неужели это правда? Не верю своим глазам! Великолепный Трефф, самое яркое дарование Подмосковья, смелый, дерзкий, неугомонный... Вы прекрасны, мадемуазель!

– Кто вы и что здесь делаете?

Трефф старалась, чтобы голос звучал ровно, и от ярости кусала губы. Мало того, что этот сукин сын явился без спросу и сунул нос куда не надо, так теперь всему миру расскажет, что бесстрашный и гордый Трефф – всего лишь тощая девчонка. В одних трусиках и лифчике она чувствовала себя совсем незащищенной. Однако не сидеть же тут под его сальными взглядами, как беспомощная клуша рядом с топором повара? Трефф прошла к вороху одежды, выловила чистые джинсы и футболку и принялась одеваться.

– И все-таки, кто вы и чему обязана подобной честью?

– Ты слишком расслабилась, девочка моя, – незнакомец откинул капюшон, ловко изменил тембр голоса, и Трефф, наконец, узнала его. – А если бы это был не я?

– Рэй?

Трефф вздохнула с облегчением. Уж кому-кому, а Рэю – бывшему актеру и одному из первых своих друзей в мире стрит-арта – она доверяла полностью.

– Он самый. Напугал я тебя?

– Есть такое. Зачем?

– Чтобы не расслаблялась и смотрела по сторонам. На моем месте мог быть кто угодно. Насильник, убийца, завистник.

– Плевать, – Трефф достала из покосившегося комода сумку, сунула ноги в кроссовки и надела очки. – Ночью на улицах небезопасно, а кто захочет найти именно меня – рано или поздно найдет. Ты не против, если мы продолжим беседу в другом месте?

Ранний летний рассвет заливал улицы позолотой, и Трефф не торопясь шла под руку с Рэем – несмотря на немолодой возраст, еще весьма привлекательным мужчиной, – и думала, почему в ее жизни все не так, как у других. Ей тридцать – тот возраст, в котором уже пора бы прекратить бегать по улицам, выйти замуж, нарожать детей и жить себе счастливо. За Рэя, например. Он ведь даже предлагал как-то, но, наткнувшись на решительный отпор, больше не заводил разговора на эту тему. Она была уверена, что Рэй представлял себе эдакого Треффа в юбке. Тощая, длинная, она до сих пор была похожа на школьницу как фигурой, так и наивным, вечно удивленным взглядом... Рэй ведь совсем не знал ее, настоящую. И никто не знал, даже, наверное, она сама.

Взгляд ее уперся в рекламный щит. На нем одетая в неглиже модель демонстрировала округлости, прикуривая сигарету от зажигалки в мужской руке. Внизу, белым по бежевому, шла почти незаметная дежурная надпись о том, что «Минздрав предупреждает...». Рэй заметил ее взгляд и рассмеялся:

– Милая, чем тебе не угодила эта юная леди?

– Отвратительная реклама, – честно ответила Трефф. – Рассчитанная на мужиков, у которых мозги в мошонке, и их баб. Займусь ею, пожалуй, следующей ночью...

Рэй хохотнул.

– И что тут будет?

– Вместо этой кобылы? Лошадь.

– Лошадь?!

– Да. Которую убила капля никотина.

Рэй ухмыльнулся и ничего не ответил. Уже возле самого ее подъезда он наклонился к уху Трефф и прошептал:

– Тебя хочет видеть Эн-Би.

– Эн-Би?

– Да. Он в Москве. Интересуется тобой. К счастью, никто ничего не смог сообщить о тебе, и его послали ко мне. Тебя это интересует?

– Эн-Би? – снова переспросила Трефф. – Тот самый, который считается лучшим на улицах всей Европы? Тот самый, который презирает границы, политические движения, оружие, армию, дискриминацию и...

– Тише, тише! – Рэй улыбнулся. – Да, это он. Что ему передать?

– Что я ни за что не упущу такой шанс!

Оказавшись дома, перво-наперво Трефф постаралась выспаться. Ее старания не увенчались успехом. Проснувшись около полудня и проворочавшись в постели с полчаса, она вылезла из-под одеяла. Ее била дрожь – то ли от недосыпа, то ли от холода, а, может, скрывалось волнение. Встреча с Эн-Би казалась ей чем-то из ряда вон выходящим. Как с голливудской звездой, только круче, потому что на кой черт ей сдались голливудские звезды? А Эн-Би был гением. Трефф была уверена, что еще немного, и скромная подпись NFB встанет в один ряд с именами Бэнкси или Кита Харинга. Его работы, удивительно абстрактные, обильно расчерченные линиями, многоцветные, казались головоломками. Трефф просиживала часами перед монитором компьютера – благо, Интернет сделал уличное искусство доступным каждому – и пыталась разгадать их.

После душа и чашки крепкого кофе беспокойство немного улеглось, словно согласилось подождать до вечера и дать хозяйке возможность заняться делами.

Трефф сварила вторую чашку кофе и включила компьютер. В электронном ящике пылились вчерашние письма от двух заказчиков. Одному она обещала к сегодняшнему дню черновой вариант сайта, со вторым только начали обговаривать требования. Оба торопили.

С час Трефф добросовестно работала. Покрутила так и эдак макет, поправила кое-что, отправила первому заказчику, написала пространное письмо второму. Однако сердце было не на месте, и она принялась искать доступные в Интернете работы Эн-Би.

Этот самолет из консервной банки, кажется, появился в Жуковском перед самым началом очередного международного авиасалона. Организаторы тогда пошумели, пошумели, и решили оставить рисунок, который разошелся по миру и привлек на выставку небывалое количество зрителей.

А вот известная роспись одного из подмосковных домов. Эн-Би изобразил на торце дома перегородки, перекрытия, комнаты, коридоры так, что казалось, будто стены нет вовсе, и каждый может понаблюдать за жизнью людей, живущих в этом доме. Они тоже были нарисованы, эти люди, за самыми обыденными занятиями: они ели, пили, принимали ванну, занимались любовью – словом, случайному прохожему было на что посмотреть. Видимо, таким образом Эн-Би хотел намекнуть на состояние дома, уже готового развалиться.

Но когда дом через год снесли – было жалко.

Эн-Би в Европе. Карта мира, будто в объеме, стеклянные стены-границы, и камень, готовый пробить хрупкое стекло. А на камне – надпись: NFB.

No fucking borders.

Ну, напишет он роман, и что? Ничего не изменится. Его писанина никому не нужна, ни здесь, в Германии, ни – хотя писал он по-русски – в России. А если даже каким-то чудом на роман обратят внимание, прочтут и примут к публикации – Пауль об этом скорее всего не узнает. А если узнает, то вряд ли успеет подержать в руках книгу.

Что-то неладное творилось с его организмом. Уже полгода. То температура не спадала по нескольку дней. Невысокая такая, мерзкая температура, тридцать семь и два, тридцать семь и пять... Как будто не болезнь, но и не здоровье. То дурнота накатывала волной так, что ноги подгибались от слабости, а горло окутывала липкая тошнота. Все чаще Пауль просыпался посреди ночи на мокрых от пота простынях, а потом до утра не мог уснуть от страха. Звезды остро и зло сверкали в глаза, словно пытались выжечь их сквозь опущенные веки. Ночь давила на стекла сплошной черной массой, так, что даже стекла прогибались вовнутрь.

Вот, как сейчас. Из приоткрытой форточки неприятно тянуло сквозняком. Пауль встал, мелко дрожа и кутаясь в одеяло, задернул толстые шторы. Если совсем не впускать свежий воздух – в комнате станет душно и затхло. «Как в могиле», – хотелось ему сказать. Проклятые литературные клише, до чего же они прилипчивые. Стоит совсем немного покрутиться среди литераторов и не только писать, но даже мыслить начинаешь штампами, причем самыми мрачными и бессмысленными.

Он сел к столу и раскрыл ноут. Компьютер испуганно взвизгнул и сонно замигал. «Покоя от тебя нет, – высветилась на фоне красной кирпичной стены ярко-желтая надпись. – И что тебе не спится?» Пауль вздрогнул и отпрянул от экрана. Вирус, что ли? Не мог он сам загрузить такую идиотскую заставку. Рука потянулась к клавише «escape». «Ты знаешь, который час?» – с издевкой осведомился ноут, и красный фон побледнел, а буквы накрепко закрепились, сделались массивными и квадратными. Теперь они казались не нарисованными на стене, а объемными и отбрасывали причудливые тени.

– Знаю, – ответил Пауль. – Два часа ночи. Не дури, пожалуйста. Давай лучше поработаем.

Наверное, все-таки вирус, потому что с рабочим компьютером творится такая же дурь. То странная надпись выскочит, то картинка... А началось все со статьи об уличных художниках, которую начальник отдела Тобиас Кламм зачем-то переслал на его, Пауля, компьютер. Статья показалась сама по себе интересной – о парнях и девушках, которые, вооружившись баллончиками с краской, малюют граффити поверх рекламных щитов, плюс пространные рассуждения о борьбе с потребительством, безвкусицей и засилием рекламы. Пауль прочитал и отчасти согласился. Хотя лично ему реклама не мешала – в конце концов, должен кто-то рассказывать людям о хороших товарах – он так же, как и автор статьи, считал, что обилие аляповатых щитов город не красит. Все хорошо в меру.

Но дело было не в тексте, а в фотографиях, вернее, в одной фотографии, из-за которой Кламм и переслал статью. «Глянь-ка, Циммер, твой портрет».

Действительно. Пауль посмотрел и оскорбленно поджал губы. При всем внешнем сходстве рисунок на стене напоминал не столько портрет, сколько карикатуру. Тощий как скелет парень в фиолетовых джинсах и желтой тенниске с отложным воротничком сидел по-турецки перед раскрытым ноутбуком, а рядом стояла тарелка с картофельными чипсами и открытая банка пива. Волосы на голове парня, подстриженные а-ля гитлер-югенд, слишком короткие, чтобы виться, топорщились нелепыми вихрями. На подошвах стоптанных кроссовок засохла грязь.

«Ну вот не хожу я в неопрятной обуви», – обиженно подумал Пауль и торопливо пригладил прическу. «И кто это меня так?» Подпись под фотографией гласила, что рисунок являет собой образец русского стрит-арта и обнаружен где-то на окраине Москвы.

Россия, значит. Родина его предков по материнской линии. Вот только был там Пауль последний раз без малого двадцать лет назад, то есть в раннем детстве. Контактных ни с кем не поддерживал. С родственниками не переписывался и не перезванивался. Никто из москвичей не мог знать его в лицо.

Он еще раз внимательно взгляделся в картинку и внутренне вздрогнул. Напрягся, точно взведенная пружина. Вроде незамысловатый рисунок, но было в нем нечто такое, что Пауль называл «эффектом рыболовного крючка». Цепляло. Больно цепляло.

И почему-то вдруг очень сильно захотелось картофельных чипсов, так, что даже рот наполнился слюной. Пауль едва дождался окончания рабочего дня и по дороге домой заскочил в магазин, купил две упаковки чипсов: с перцем и с тертым сыром и еще банку «Urtils», благо жара стояла страшная. Тут же, на улице, вскрыл и отхлебнул. «Вообще-то я не пью пива», – пронесся в голове отрывок из какого-то рекламного слогана. Вот она, реклама, в действии.

Вернувшись в свою маленькую однокомнатную квартирку на цокольном этаже, Пауль продолжал думать о граффитчиках. Наскоро прибрался, просмотрел вынутые из почтового ящика письма – ничего интересного, счет за интернет и телефон, проспект нового мебельного магазина, брошюрка с картинкой райского сада на обложке и надписью: «Узнайте, что для вас задумал Бог». Распахнул балконную дверь... и тут же на ковер намело облетевшие лепестки шиповника. Розовые лепестки на зеленом смотрелись красиво. В жару Пауль оставлял балкон открытым всю ночь, и в комнату частенько проникала разная живность: кошки, ежики, лягушки, большие виноградные улитки, длинные пятнистые слизни... Один раз даже заползла змея, Пауль очень надеялся, что не ядовитая, но все равно избавился от нее осторожно, замел веником на совок и вынес во двор, подальше от подъезда. «Извини, подружка, у меня не зоопарк, – сказал, вытряхивая непрошеную гостью в кусты. – И вообще, я тебя боюсь».

Он вздохнул и включил компьютер, который тут же загудел, точно взлетающий реактивный самолет. Наверное, скоро перегорит. «Знаю, замучил тебя. Но мне надо узнать об

уличных художниках, особенно про тех, что из России. Впрочем, про тех, что не из России, тоже».

При помощи поисковых машин Пауль перетряхнул весь интернет. Потеснил на своей виртуальной полке любимые книги – «Жизнь после жизни» Р. Моуди и Сильвию Браун с ее байками о «другой стороне» – и закачал короткометражный фильм о Бэнкси, страничку из Живого Журнала некоего любителя стрит-арта и длинную статью о творчестве какого-то Эн-Би. Один Бэнкси, другой – не-Бэнкси, решил для себя Пауль.

Он изучал, смотрел, вглядывался в фотографии и постепенно погружался в новый для себя мир, яркий, заманчивый и тревожный. Это было все равно, что нырять с аквалангом. Картинки затягивали, выворачивали наизнанку чувства, страхи, все самое потаенное и настоящее, что таилось в душе. Вот она, истинная романтика творчества! Ничего похожего на литературную, вернее сетературную, ярмарку тщеславия. Писатели только и норовят, что друг друга подсидеть, и каждый твой промах тут же становится притчей во языцях.

Очарованный, Пауль просидел за чтением до самой темноты, а потом – вместо того, чтобы ложиться спать, открыл новый вордовский файл и с наслаждением вывел на чистой странице заголовок: «Клякса на стене». Почему «клякса», он и сам не знал, но начало положено. Оставалось только придумать героя, а за сюжетом дело не станет. А лучше – героиню. Писать про парней Пауль не любил. Ему нравилось представлять, что его персонажи оживают где-то, и понарошку влюбляются в них...

Хотя... напишет он этот роман и что? Кому это нужно?

«Мне нужно, – прошептал Пауль, обращаясь не то к себе, не то к вечно барахлящему, а теперь еще и зараженному каким-то чудо-вирусом ноуту. – Так что кончай дурить. За работу!».

Глава 2

Бар «5Райтерз»,² в просторечии «Пятак», располагался на окраине Москвы и был почти незаметен взглядам непосвященных. Это был яркий пример классики уличного искусства. Имя бару дали пять художников, оставивших свои картины на стенах, дверях, стойке, столах и даже на заколоченных фанерными листами окнах. Да и зачем окна в подвале?

Пожалуй, один этот бар мог бы послужить прекрасным учебником любому начинающему райтеру. Однако собирались здесь не только новички, но и маститые художники и те обитатели улиц, которые не имели к граффити никакого отношения, но могли наскреести денег на кружку пива. Территориальные споры велись за пределами «Пятака», а здесь обсуждали коллег, дороговизну, правительство и Интернет. Морды друг другу били в меру, пили порой сверх меры, после чего отсыпались в подворотне по соседству – в общем, не скучали.

Именно здесь Эн-Би назначил встречу неугомонному и отчаянному Треффу.

К встрече Трефф готовилась тщательно. Как – тут она фыркнула – на первое свидание. В каком-то смысле так оно и было: райтеров такого уровня ей встречать пока не приходилось. А тут – надо же! – сам ее нашел.

Накопав в сети множество материалов про Эн-Би, она вдруг зацепилась взглядом за строчку: «Не-Бэнкси». Девушка усмехнулась – весьма оригинальное трактование псевдонима... оригинальное и в каком-то смысле верное. Эн-Би не был похож на Бэнкси ни по манере, ни по идеям, которые продвигал в своем творчестве. Одним был похож – он тоже прятался от любопытных глаз. Трефф поежилась от волнения, сохранила текст, чтобы не потерять его на просторах сети, и захлопнула крышку ноутбука.

Пора бы собираться.

Трефф распахнула шкаф и оглядела свой гардероб.

Рэй всегда едко прохаживался по ее внешности, и теперь, положив глаз на ту или иную вещь, она сразу вспоминала его ерничество.

Всю ее одежду Рэй делил на две категории. «Типа деловой прикид» начинался, как ни странно, с очков. Тонкие, без оправы, почти незаметные на лице. Женственные. К ним делалась «как бы прическа» – растрепанные патлы аккуратно расчесывались и собирались сзади резинкой в короткий, задорный (и женственный) хвостик. Оставалось только надеть одну из двух маечек или свитеров – смотря по погоде, – юбку и туфли на ненавистном каблуке – и можно идти хоть на свидание, хоть на встречу с заказчиком.

«Треффовый прикид» плясал от других очков – круглых, несуразных, не идущих Трефф, однако выгодно подчеркивающих те черты, которые она полагала мужскими: широкие скулы, тонкие губы, прямой, чуть с горбинкой, нос. «Как бы прическа» в этом случае представляла собой просто не слишком аккуратную, отросшую уже стрижку и называлась «гнездом сумасшедшей вороны». И без того небольшая грудь под мужской рубашкой навывпуск перевязывалась широкой лентой, легкая сутулость была неотъемлемой частью образа – даже внимательный взгляд не смог бы обнаружить признаков женской фигуры. Джинсы и кроссовки завершали дело.

² Райтер (от англ. writer – писатель или, скорее, автор) – художник-граффитчик, который занимается граффити как искусством. Райтинг – долгая работа, возможная только в соответствующих условиях – на легальных стенах или там, где риск попасться минимален. (В отличие от бомбера или тэггера, которые рисуют граффити «на время» и, чаще всего, на нелегальных стенах).

На миг в голову Трефф закралась шальная мысль: а если надеть «типа деловой прикид» и появиться перед Эн-Би такой, какая она есть? Ей вдруг нестерпимо захотелось показаться в «Пятаке» в юбке или хотя бы выйти на улицу и крикнуть: «Я – Трефф! Вот она – я! Смотрите!» Чтобы в ней увидели женщину. Пусть не слишком красивую, угловатую, с манерами дурно воспитанного подростка, но женщину...

Трефф тряхнула головой и обругала себя последними словами. Размечталась, ага. Эн-Би увидит такую красоту неземную и тут же влюбится, и заживут они счастливо, и будут расписывать стены сердечками... Тьфу ты, идиотка! Эн-Би ждет парня, а значит, должен встретиться с парнем, а правду можешь засунуть себе куда хочешь. Ну, или, на худой конец, побережь на потом. В конце концов, ты еще не видела этого Эн-Би и судишь только по его рисункам. Так что давай, собирайся и выматывайся, если не хочешь опоздать.

Трефф чуть не упустила электричку, вбежала в последнюю секунду, уселась у окна. Народу, кроме нее, почти не было – только двое мужчин среднего возраста, изрядно перебравших. Они скользнули безразличными взглядами по тощей мальчишеской фигурке и принялись громко обсуждать какого-то Ванька. Трефф не прислушивалась к их пьяной беседе, бездумно уставившись на проносящиеся за стеклом пейзажи. Глаз сам выхватывал в ярком электрическом свете расписанные граффити стены. К некоторым она приложила руку сама. Вон, например, тот смешной парень с тарелкой чипсов и пивом – издевка, карикатура. Ее первый протест против бездарной рекламы, теперь вызывающий ностальгию и умиление.

До бара она добралась уже в темноте.

«Пятак» с улицы был почти незаметен. Если бы Рэй не показал ей в свое время это странное заведение, сама она вряд ли смогла бы его отыскать среди множества похожих подвалов и подвальчиков.

Внутри было, как всегда, тесно и прокурено. Трефф, близоруко щуря глаза за стеклами очков, оглядела зал. Народу было много – погода располагала к посиделкам в приятной компании. Трефф знала – через час, максимум два, все эти люди разойдутся: кто-то отправится домой, спать, но большая часть уже присмотрела для себя хорошую стену, и в рюкзаках лежат баллончики с красками.

Только тут Трефф сообразила, что не представляет, кого ищет. Замерла у входа, оглядела зал. Червонец и Diman86 – старые знакомцы. Пара яростно жестикулирующих мальцов – явно новички в граффити. Трое здоровяков в центре зала. Взгляд задержался на незнакомом парне в камуфляже, но Трефф тут же отбросила и его – слишком молод. Когда появились первые рисунки Эн-Би, этот парень, наверное, пешком под стол ходил. Пожилой дядечка в клетчатом пиджаке, похоже, забрел сюда случайно. Женщин отбрасываем сразу... Впрочем, почему? Трефф усмехнулась, подумав, что Эн-Би может оказаться женщиной, как и она сама. Вот уж действительно, будет о чем поговорить!

Наконец Трефф принялась протискиваться к барной стойке – наверняка бармен всех знает и укажет нужного человека.

Червонец гордился своей кличкой. Ему казалось, что он выбрал весьма оригинальный способ прославиться в мире граффити – приклеивать рядом со своими работами старые, рваные червонцы. Вместо подписи. Вроде как «смотрите, деньги – ничто в нашей жизни»! Сперва он клеил купюры целиком, потом разрывал пополам, а потом приобрел штампик и принялся штамповать червонцы. Что поделаешь, разводил он руками, мировой экономический кризис, кому сейчас легко!

Сейчас Червонец сидел за столом, потягивал пиво и нервничал. Когда-то, в раннем детстве, он играл в шахматы и теперь не мог отделаться от ассоциаций. Бар напоминал шахматную доску, приготовленную к игре. Вон, в тени, за угловым столиком, сидит ферзь. В

центре зала – фигуры неясного достоинства... Судя по доносившимся звукам, кони. Правда, трое. А сам он был похож на пешку. Королевскую. Которая должна была сделать первый ход. Не хватало только одной фигуры, ключевой, за которую и ведется игра – вражеского короля.

Червонец не знал, как будет разворачиваться партия, не знал замыслов ферзя – не его, пешки, это дело. Зато купюра в кармане – не червонец. Да и тот мужик обещал, что не причинит вреда Треффу. «Мы просто поиграем» – сказал он, и Червонец решил, что примет условия игры.

– Он! – тихо шепнул сидевший рядом за столиком Diman86.

Идиотское прозвище, но парень сам виноват – теггеры³ никак не могут понять, что есть и другие сюжеты для граффити, кроме своего незабвенного имени.

Ладони Червонца вспотели, когда он обернулся и увидел вошедшего Треффа. Как обычно, растрепанный, в своих дурацких круглых очках, – Гарри Поттер недоделанный! – тощий и сутулый. Но талант... Червонец не любил признаваться себе, и никому бы не признался вслух, но он завидовал Треффу, как никому. И теперь даже с некоторым злорадством ждал, что же будет. Но первый ход – его.

– Эй! Трефф! – вдруг закричал Червонец и принялся отчаянно махать рукой.

Трефф поморщилась. Привлекать внимание не хотелось. Впрочем, теперь Эн-Би сам узнает ее. Трефф подошла к столику Червонца и Димана, пожала им руки. Как всегда, досадно бросилась в глаза собственная тонкая, неожиданно маленькая ладонь с обгрызенными ногтями. Червонец хлопнул ее по плечу:

– Как дела, Трефф? Видел, ты разукрасил фотографию этого старого политика из партии Согласия. И правильно, я тебе скажу, хотя сам бы на такое не решился бы.

– Говорят, партия приплачивает ребятам, чтобы охраняли территорию, – вставил Diman86.

– А причем тут я? – безразлично пожала плечами Трефф.

– Ну, руку-то мы узнаем! – подмигнул Червонец. – Но хочет Трефф темнить – пусть темнит, верно, Диман?

Кивнув ребятам, Трефф пошла дальше, к стойке. Проходя мимо столика, за которым сидели трое накачанных парней, Трефф задела одного из них локтем. Каким образом плечо оказалось у нее на пути, она понять не успела, но парень тут же вскочил, стремительно, словно разжатая пружина. Оттолкнул легкую Трефф.

– Эй, полегче! – крикнула Трефф.

Все трое вскочили из-за стола и окружили ее. Трефф выпрямилась в полный рост, делая хорошую мину при плохой игре – только драться с ними не хватало. Да каждый из них делает ее одной левой. Трефф затравленно огляделась и шагнула к выходу. Один из парней перегородил ей дорогу. Загнанная в ловушку, она вскочила на ближайший столик, перепрыгнула на соседний, скатилась на пол, почти не видя ничего перед собой, и бросилась к выходу. В голове трепыхалась мысль – как же теперь она встретится с Эн-Би? Впрочем, сейчас главное – унести ноги.

Трефф помчалась по переулку.

Ее настигали.

– Эй! Сюда! – голос звал куда-то в темноту. Трефф остановилась в нерешительности, но времени на раздумья не было, и она нырнула в черноту провонявшего мочой подъезда. Не успела дверь захлопнуться, как в нее заколотили.

– Что вам нужно? – спросил тот же голос у Трефф за спиной.

³ Теггер (от англ. tag – метка) – граффитчик, который занимается только теггингом – т. е. проставляет свою подпись (тег), чаще всего, в общественных местах.

Трефф, успевшая взбежать на один пролет вверх по лестнице, обернулась на резкий окрик. Коренастая мужская фигура в дверном проеме, освещенная слабым светом единственного фонаря. В каждой руке незнакомца – по баллончику краски. Эффектно, оценила Трефф, привалившись к стене и тяжело дыша. Надолго, конечно, он их не задержит. Как бы подъезд не стал ловушкой... Но она не одна – и на том спасибо.

– Вы хотите, чтобы ваши лица стали похожи на столики в «Пятаке»? – спросил незнакомец.

– Я помогу, – сказала Трефф.

– Спасибо, парень. В рюкзаке есть еще кэны.⁴

Трефф достала еще два баллончика и направила в глаза ближайшему парню. Троица переглянулась и ретировалась.

– Спасибо! – искренне сказала Трефф.

– Да не за что, – отмахнулся мужик. Тот самый, молодой, в камуфляже. Красивый – заметила Трефф и смутилась.

– Значит, ты и есть местная звезда? Трефф?

– Да.

Мужик взял из ее рук баллончики с краской.

– Лазурь и охра. Хороший вкус, парень. Мы сработаемся.

– Сработаемся?!

– Да. Я ищу помощника. Я не представился? Для тебя – Никита. Для всего мира – Эн-Би.

Червонец выдохнул. Вот и все. Аж вспотел. Но теперь можно расслабиться.

Только в кармане на груди, казалось, лежала бомба. Того и гляди рванет.

Червонец быстро допил пиво, распрощался с Диманом и вышел. Прислушался, огляделся – ни следа Треффа или его преследователей. Быстро двинулся к стене, недавно рассмотренной неподалеку от бара. Старый гараж, каменный, стоящий далеко на отшибе.

Червонец рисовал быстро, словно краска жгла ему руки. Он придумал другой сюжет для этой стены, но тут вдруг как озарение пришло. Трехлистный клевер на расширяющейся книзу ножке, черный – точь-в-точь обозначение Треффовой карточной масти. А внизу, чуть правее ножки, Червонец пририсовал ценник. Пятьдесят евро.

Идя на свидание с Паулой и направляясь к автомобильной стоянке, Пауль чуть не наступил на мертвую птицу. Она лежала на асфальте, почти у самого подъезда, крупная, черно-головая, с тонким хохолком и нежно-палевым оперением. Шея неестественно вывернута, на острых, отороченных белым крыльях запеклась кровь. «Кошка задрала, что ли?» Пауль брезгливо потрогал трупик носком ботинка, передвинул на газон. Не хотел, чтобы птицу топтали, но закопать не было времени. Он торопился – Паула не любила ждать.

Они договорились встретиться на набережной Саара, возле детской площадки. Девушка опаздывала, и Пауль сел на скамеечку, в тени платана. Прищурившись, наблюдал, как босоногая, полуголая малышня возится в песочнице, с визгом, уханьем и бравыми возгласами: «Мама, guck mal!»⁵ съезжает с горки, качается на качелях, носится туда-сюда, чуть не сбивая с ног степенных взрослых. По дорожке плавно, словно водомерки, скользили нарядно одетые люди. Мороженщик, звоня в колокольчик, прокатил свою тележку. На поверхности воды играли легкие разноцветные блики. Вдалеке, на другом берегу реки, ветер раскачивал подвешенный к стреле подъемного крана пивной бочонок.

⁴ Кэн (от англ. can – баллончик) – баллончик с краской.

⁵ «Мама, guck mal!» – Мама, смотри! (нем.)

Паулю стало грустно. «Для кого-то жизнь только начинается, а я...» Он не додумал мысль до конца, прогнал ее небрежным взмахом руки, как прогоняют надоевшую муху. Не стоит паниковать раньше времени, может быть, еще все обойдется.

– Привет! – на Пауля пахнуло сладковатым ароматом цветочных духов, и он инстинктивно съежился и отвернулся, опасаясь нового приступа. Последнее время он плохо переносил резкие запахи, особенно синтетические. – Давно сидишь?

– Нет, я только что пришел.

Это было неправдой, но огорчать девушку не хотелось.

– Извини, с утра пришлось съездить на работу. Единственный выходной – и то не дадут спокойно отдохнуть. Пойдем, что ли, отсюда? – Паула покосилась на играющих детей и слегка наморщила нос. – Шумно...

Общие знакомые, словно в один голос, твердили, что Пауль и Паула удивительно похожи. Ну, прямо, как и брат и сестра, говорили. Не зря даже имена у них созвучны. Пауль недоумевал: что общего у него с ухоженной, стильной девушкой арийской наружности, светлоглазой и белокурой – разве что нос с горбинкой не вписывается в образ арийки, – от природы склонной к полноте, но при этом держащей себя в форме. Всегда одетой с иголочки: однотонная блузка, строгий брючный костюм с черным галстучком, туфли на небольшом каблуке. Ей бы стюардессой работать. На самом деле Паула работала на саарландском радио. Модератором. Нескладный и щуплый, как мальчишка, Пауль смотрелся рядом с ней бедным родственником.

Что у них действительно было похоже, так это руки. Когда Пауль и Паула складывали ладони вместе, видно становилось, что кисти рук обоих повторяют друг друга вплоть до малейших изгибов. Тонкие, «музыкальные» пальцы, средний и безымянный одинаковой длины, что вообще-то встречается редко. Разве что у Пауля рука слегка крупнее и ногти острижены коротко, по-мужски.

Это сходство, незаметное для посторонних глаз, почти интимное, казалось обоим символом какой-то особенной внутренней близости.

– Может, поднимемся на Берлинер-Променаду, посидим в кафе? – предложил Пауль. – Хочешь мороженого?

Пауль и Паула медленно шли вдоль реки. Он – полуприкрыв веки от солнечного света: мелкие серебряные волны блестели нестерпимо ярко, так ярко, что на глаза то и дело набегали слезы. Она – оживленно озираясь по сторонам.

– Смотри, лебеди с гадкими утятами, – на песчаном мелководье под присмотром двух больших белых птиц возились пушистые комки. – Да ну, давай лучше погуляем.

– Я не могу долго находиться на солнце! – взмолился Пауль. – Это гуси, на Сааре нет лебедей. Была одна семья, но их позапрошлой весной убили подростки... Забили камнями до смерти.

– Зачем?! – девушка передернула плечами, не то с отвращением, не то возмущенно.

Пауль вздохнул.

– Не знаю... Вернее, знаю, это психически неуравновешенные дети, часто из неблагополучных семей. Из Бурбаха многие... там вообще асоциальный район.

– Ну, тебе виднее...

Они поднялись с набережной на Берлинер-Променаду. Теперь Саар лежал внизу – серая шелковая лента, расстеленная на зеленом плюше газонов. Разноцветные фигурки людей сутились на берегу.

В маленьком полутемном кафе было прохладно, работал кондиционер. Пауль тяжело опустился на стул и обоими локтями оперся о столик. Есть не хотелось.

– Пожалуй, возьму себе молочный коктейль.

– Скучный ты. А я Schwarzwaldер с ромом... Ну что, Пауль, – сказала Паула через десять минут, окуная ложечку в бокал с мороженым. – У меня с пятнадцатого августа отпуск. Куда поедет? Предлагаю в Испанию, Коста де ла Луз или юг Франции. Там правда, дорого, ну да ничего. Можем поехать на машине, если во Францию – сэкономим на авиабилетах.

При мысли о том, что придется восемь часов провести за рулем, Пауля бросило в жар. А потом тут же окатило холодным потом.

– Я не знаю... – промямлил он, избегая смотреть девушке в лицо. – Не знаю, отпустят ли меня... в смысле, на работе...

– Да ну эту твою работу! – бодро воскликнула Паула. – Не смеши. Вы же там ничего не делаете, в этой конторе вашей.

– Ведомство по охране окружающей среды, – подсказал Пауль, слегка уязвленный.

– Вот и я говорю. Бюрократы могут взять отпуск в любое время, все равно от них толку никакого. Так что, давай... Пятнадцатого августа, это будет суббота, можем выехать с утра. Я закажу гостиницу... наверное, нам не надо самую шикарную? Но обязательно с полным пансионом...

– Погоди, – Пауль страдальчески сдвинул брови. – Я, правда, не знаю, смогу ли взять отпуск. А про наше ведомство зря так говоришь. Очень даже есть от нас толк. Если не станет ведомства, то кто будет заботиться? А заботиться об окружающей среде обязательно надо.

– Да какая забота? Вы шесть лет добивались закрытия шахты в Кампхаузене, а теперь уже полгода добиваетесь ее открытия...

– Неправда, открытия добивается другое ведомство.

– Послушай, – сказала Паула серьезно. – Я не собираюсь торчать весь отпуск в Саар-брюккене. Я работаю шесть дней в неделю, чертовски устала и хочу отдохнуть. Если ты не хочешь – поеду без тебя, а ты сиди тут и пиши свои сказки для русских форумов или что ты там собираешься делать...

Пауль вспыхнул:

– Да, для русских. Я люблю русский язык и Россию. И я горжусь тем, что мои родители...

– Ну, хватит.

Она раздраженно отодвинула от себя бокал, бросила ложечку на блюдце и закурила.

Пауль не любил ссориться. К тому же оставаться одному почему-то было страшно. И отпускать Паулу – тоже. Все-таки поехать? Испания, Франция... тридцать пять градусов в тени... усеянный голыми телами пляж... пыльные мостовые, запах гниющих водорослей и горячий воздух, полный тяжелых морских испарений...

– Я постараюсь, Паула... Не могу ничего обещать...

– Ладно, я все поняла.

В молчании они доели мороженое, расплатились и вышли из кафе. Разговор не клеился, хорошо, хоть жара стала понемногу спадать и ветер посвежел. Наверное, ночью будет дождь.

– Я сегодня без машины. Можешь отвезти меня домой? – попросила Паула.

– Конечно, – согласился он поспешно.

Обиделась? Ну и пусть. Нечего на него давить. Он тоже имеет право распоряжаться своим временем. Пустыми отговорками Пауль пытался задавить в себе чувство тревоги.

Он проводил девушку до подъезда, привычно поцеловал в губы – с тем же успехом мог чмокнуть в щеку, такой братский получился поцелуй, целомудренный – но она вдруг отстранилась. Заглянула в глаза, пылливо, нежно, почти, как раньше.

– Пауль, скажи мне, что случилось? Я вижу, с тобой что-то не так.

Он выдавил из себя улыбку.

– Ничего.

«Может, зря не сказал ей правду? – подумал. – Она бы поняла. А может быть, и нет. Два месяца назад точно поняла бы, а теперь – кто знает...»

Дома Пауль забрался с ногами на диван, ноут положил на колени. Включил. Настроился хорошенько отдохнуть после утомительной прогулки, а потом немного поработать над романом.

В поисках вдохновения открыл знакомую страницу в Живом Журнале, взглянул... и от неожиданности чуть не уронил ноут. Неизвестный пользователь добавил новую фотографию.

На фоне грязной кирпичной стены, опустив голову и обессиленно привалившись спиной к чему-то невидимому, стоял он сам, Пауль, с мертвой птицей в руках. На этот раз он разглядел подпись в углу картинки. Тонкие, как лапки паука, буквы складывались в короткое слово – Трефф.

Что есть Трефф?

Глава 3

Трефф шла рядом с Эн-Би по темным улицам московской окраины. Она давно перестала понимать где находится. Все-таки Москва – слишком уж большой город.

Трефф молчала. Сердце еще билось после недавних событий – учащенно и испуганно, в ногах поселилась противная слабость.

Эн-Би, назвавшийся Никитой, тоже ничего не говорил. Но почему-то его молчание не смущало Трефф. Она была уверена, что это как будто затишье перед бурей и он просто выжидает. Ее собственное ожидание ворочалось внутри, не давая покоя.

Она скосила глаза и посмотрела на Никиту. Ее спутник был и похож и не похож на того Эн-Би, которого она себе представляла.

Молодой – или просто молодо выглядящий? Сколько ему может быть? От сорока до пятидесяти... Нет, скорее сорок, хотя не знай Трефф этого, решила бы, что он ее ровесник. Смуглый, с дредами и рюкзаком за спиной.

Обычный парень. Красивый.

– Вот, смотри! – голос Эн-Би заставил вздрогнуть и вынырнуть из задумчивости.

Никита показал ей на стену. И Трефф поняла, что ее ожидание закончилось.

– Мир состоит из ярлыков.

Струя краски ударила в стену, оставляя жирную черную линию. Трефф заворуженно следила за рукой Никиты, выводившей неизменные NFB. Знакомые до мелочей буквы, характерно легкие, летящие. Свободные.

– Мы с тобой вне закона, брат. Мы кричим о нашей правде, и нас слышат многие. Слишком многие. Все, кто выходит на улицы городов и городишек, бедные, богатые, мужчины, женщины, белые, черные, гомосексуалисты, подростки, старики... Все! Именно потому мы опасны. Потому что мы – вне ярлыков. Вне ярлыков – вне общепринятого порядка. Значит, вне закона. Согласен?

Трефф кивнула. Никита провел последнюю черту и убрал баллончик в рюкзак.

– Моя задача – бороться с ярлыками, – сказал он, поднимаясь. – Моя подпись – «нет границ». И все думают, что я борюсь с государственными границами. Это так. Я против них, я за объединенную, интернациональную Землю. Но это – лишь внешний слой, это лишь для тех, кто не понимает большего. Я иду дальше. Я хочу сломать границы в человеческом сознании, понимаешь? Нет стереотипов. Нет ярлыков. Нет предела... таланта, возможностей, мысли! Твоей мысли, парень, в том числе.

Трефф отошла и смотрела на стену, и ей казалось, что голова кружится, словно она стоит над пропастью. Так отчасти и было: в рисунке ей виделась бездна, безграничное число слоев, смыслов, постичь которые несложно – надо только освободить сознание, перебраться за парাপет искусственных ограничений и прыгнуть туда, вниз.

На стене был нарисован мозг. Удивительно подробно, ярко, объемно. Над извилинами возвышались заборы, границы, через которые пытались лезть, над которыми пытались пролетать, плыть вдоль них на лодках, копать, сверлить... Целый огромный мир схематичных человечков умещался на розовой желеобразной горе. Снизу, словно подставка, весь этот мир поддерживал позвоночный столб, сужающийся книзу. Закон перспективы, вид сверху. Верхние позвонки были прорисованы ярко и четко, нижние слипались в желто-бежевый конус.

Как рожок с мороженым, – подумалось Трефф. Розовое... Клубничное, наверное. Ей вдруг захотелось клубничного мороженого, до дрожи, до сведенных скул. Хрустящий вафельный рожок, розовая холодная мякоть, которая, чуть подтаяв, стекает по губам и под-

бородку... Она прикрыла глаза, а когда открыла их, снова увидела мозг. Желудок болезненно свело, словно не съеденное мороженое просилось обратно.

Трефф и раньше считала Эн-Би гением, теперь же, увидев его в работе, уверилась в этом окончательно. Всего одна картина – и весь спектр эмоций, от безумного восторга до тошнотворного отвращения.

Трефф казалось, что она может нырнуть глубже, в третий слой, в четвертый, открыть для себя все грани и смыслы... И испугалась. С трудом заставила себя оторвать взгляд от картины и посмотрела на Никиту.

– Нет границ? – услышала она хриплый голос. Не ее. Наверное, Треффа. – Анархия?

– Просвещенная анархия! Мы не собираемся ломать границы сразу, нахрапом. Нет, мы сперва подготовим почву. Мы покажем людям свободу, поманим... А потом, когда люди получат ее, они уже будут знать, как распорядиться ею!

Свобода. Все, что говорил Эн-Би, осталось в сознании этим словом. Свобода. Ее, личная, Трефф, свобода. Никита говорил, быстро, горячо. Руки, несмотря на перчатки – в краске, одежда заляпана, темные длинные дреды местами тоже попали под аэрозоль. Над верхней губой, в щетине, заблудились капельки пота. А глаза горят. И, черт возьми, как же он красив!

Эта последняя мысль была явно лишней. Трефф даже разозлилась на себя – как можно думать о свободе для всех и при этом терять самообладание при одном виде смазливового парня!

Разозлившись, Трефф, наконец, задала вопрос, который интересовал ее с самого начала:

– А я-то тебе зачем?

– Ты? – Никита улыбнулся и положил руку ей на плечо.

Трефф бросило в жар.

– Ты – талантливый парень, Трефф. А мне нужен помощник. У меня есть пара проектов, здесь, в Москве... Мне нужен человек, умный, талантливый, хорошо знающий город, умеющий постоять за себя. Ты – то, что мне нужно, парень. Если ты со мной, конечно!

– Я с тобой! – ответила Трефф и смутилась собственной горячности. И чтобы отвлечься, принялась снова рассматривать картинку.

Вблизи она казалась совсем не страшной, а фигурки, суесящиеся и копошащиеся, тщетно пытались разрушить границы своего мира, вызывали улыбку.

– И что же, никто из них так и не освободится?

Никита лукаво посмотрел на нее.

– А я не знаю. Я только обозначил правила игры. Ты вправе поддержать ее или нет. Если ты считаешь, что картина не закончена – закончи ее!

Он нагнулся, достал из рюкзака краску и протянул Трефф. Та приняла баллончик с трепетом и суеверным страхом... Закончить картину Эн-Би? Это шутка?

Но Никита смотрел совершенно серьезно.

Тогда Трефф подошла к стене и пририсовала еще одну фигурку. Не на мозге-мире, а рядом, чуть повыше и в стороне. Перед глазами встал образ – худенький мальчишка, сумевший освободиться, полететь, изменить правила игры... У мальчишки был немного испуганный взгляд и ноутбук на коленях. Казалось, он хотел сказать что-то миру, но, кроме змеистых проводов, его ничто не соединяло с розовой массой.

– Хорошо получилось, – серьезно сказал Эн-Би, и сердце Трефф забилося так, что готово было проделать дырку в грудной клетке. – Подпиши его.

Никита стоял прямо за ней, и она чувствовала его горячее дыхание на своей шее, пока выводила на стене привычное «Трефф».

Оказавшись дома уже утром, Трефф без сил упала на кровать. Мобильный мигал синей лампочкой, оповещая хозяйку о неотвеченных звонках, но Трефф казалось невозможным даже протянуть руку. Хотелось спать и ни о чем не думать, а, проснувшись, не спеша вспомнить в мельчайших подробностях разговор с Эн-Би, его ловкие руки, уверенно держащие баллончик с краской, его слова о свободе...

Но напряжение прошедшей ночи не давало уснуть. Трефф минут пятнадцать крутилась на кровати, не зная, куда девать ноющие руки и ноги и как приглушить гул в голове. Мысли толпились, вытесняя одна другую, и вспоминать получалось не медленно, со вкусом, сразу раскладывая по полочкам, а сумбурно, лавиной, накрывающей с головой.

Трефф поднялась, сварила кофе и включила компьютер. Написала письма заказчикам. Одному – с извинениями, что не сможет закончить проект, поскольку вынуждена срочно уехать из Москвы по делам. Второму сообщила о том, что ей не подходят предложенные им условия. Обоим порекомендовала людей, надежных и проверенных, которые сумеют выполнить работу не хуже, чем она.

Руки дрожали. Только что она осталась без дохода. Не слишком большого, но много ей и не надо – краски и картон съедали львиную долю ее бюджета, без всего остального она вполне могла обойтись. С другой стороны, Эн-Би обещал платить, и даже оставил задаток. На взгляд Трефф, слишком большой.

– У меня есть деньги, парень, – сказал Никита на ее попытки возразить. – Я всегда плачу своим помощникам, потому что даю им работу. Я покупаю твой талант, время и силы, так что побереги слова и бери деньги.

К тому же верстать сайты, видимо, все равно будет некогда. Эн-Би четко обозначил свои требования – каждую ночь Трефф работает с ним. А днем ищет стены, договаривается с «местными» и помогает в разработке эскизов. И учится. Это было для Трефф главным – она была готова стоять на стреме, таскать краски, держать лестницу – все, что угодно, лишь бы видеть рождение работ Эн-Би.

Трефф устало откинулась на спинку кресла. Спать не хотелось.

Взгляд упал на иконку текстового файла на рабочем столе. Ах, да, кажется, там что-то про Бэнкси... Трефф ткнула мышкой в иконку.

Рэй снова набрал номер Трефф. Он знал, что девчонка не таскает телефон на ночные вылазки, но ведь уже утро – давно должна была вернуться! К беспокойству примешивалось чувство вины. Трефф, конечно, умница, и в обиду себя не даст, но нельзя было отпускать ее одну... И плевать, что она просила не вмешиваться.

Рэй, впрочем, все равно собирался пойти вечером в «Пятак», но нелегкая принесла Эльвиру. К тому же, как назло, ей в кои-то веки хотелось не денег, а внимания. Процесс выпроваживания затянулся надолго, и Рэй поклялся себе, что в следующий раз найдет любовницу поговорчивее.

Разумеется, когда он добрался до бара, там не было ни Трефф, ни Эн-Би, и вообще ни одной знакомой рожи, кроме шапочного знакомого Diman86. И тот сразу ретировался, старательно делая вид, что не узнает старого райтера.

Разговорив бармена и узнав о стычке, Рэй с досадой хлопнул ладонью по столу. Обругал последними словами Трефф, себя и эту дуру Эльвиру и был готов бежать на поиски, но бармен добавил, что за Треффом и его преследователями отправились Червонец и еще один парень, черноволосый, смуглый, незнакомый. Червонец и Трефф приятаьствовали, а второй парень походил по описанию на Эн-Би, и Рэй успокоился. Не сказать, правда, что слишком.

А сейчас девчонка не берет трубку!

Наконец Рэй не выдержал. До дома Трефф по начинающимся утренним пробкам он добрался за полчаса. Оставив машину у подъезда, взлетел по лестнице и принялся трезвонить в дверь.

Трефф открыла быстро, словно ждала его.

– Почему ты не позвонила?! – набросился на нее Рэй. – Ты шляешься ночью с неизвестными мужиками, ввязываешься в драки, а я должен сидеть на телефоне, не зная, где ты и что с тобой?! Ты встретила его? Как вообще все прошло?

Трефф не отвечала, просто стояла рядом и смотрела на Рэя.

– Господи, да ты на ногах не стоишь! – забеспокоился он. – Что у тебя тут? Кофе?! Нашла, что пить... И компьютер... Понятно.

Он обернулся к ней и заохал, изображая любящую бабушку:

– С нынешним цветом лица, дорогая, тебе нельзя выходить на улицы ночью. Это небезопасно для мирных граждан, которые примут тебя за привидение и получат разрыв сердца. Спать, срочно!

Трефф послушно дала подвести себя к кровати и уложить. Потом схватила его за руку и сжала, неожиданно сильно:

– Рэй!

– Спи! Все расскажешь потом! Мне, конечно, очень интересно, но я вполне способен подождать до вечера...

– Нет, Рэй... – девушка села на кровати, подтянув колени к груди. Она выглядела растерянной. – Пойди к компьютеру, Рэй. Прочитай файл, который открыт... И скажи мне, бога ради – откуда он все это взял?

Рэй посмотрел в ее серьезные глаза, молча встал и вышел из комнаты. На экране и впрямь был открыт текстовый файл.

– Милая, кто этот Пауль? – спросил он громко.

– Ты читай, читай... – ответил из-за стенки голос Трефф.

Рэй принялся читать. Про девчонку, разрисовывающую стены, про драку в кафе, куда она пришла на встречу с Мастером, про стену и картину.

– Ммм... – протянул Рэй, добравшись до конца и вернувшись к Трефф. – Хочешь сказать, что решила заняться литературным творчеством? На мой скромный взгляд это не твоя стезя.

– Нет, Рэй. Это не мой текст. Именно это и удивляет меня. Я бы даже сказала – пугает...

– Почему?

– Потому что он описал мою встречу с Эн-Би. От начала и до конца. Не совпадают разве что мелочи...

Трефф серьезно посмотрела на него.

Рэй задумался.

– Кто мог быть свидетелем вашей встречи?

– Никто, Рэй, – покачала головой девушка. – Но это и неважно. Я нашла этот текст в Интернете еще до встречи. Понимаешь? До!

Рэй пожал плечами. Что тут ответишь?

– Скорее всего, просто совпадение.

– Да, наверное.

В ее голосе явно чувствовалась неуверенность.

– Послушай, – сказал Рэй. – Ты устала, вот тебе и мерещится. Я уверен, что это просто совпадение.

Трефф молчала.

– Может, спросить у него? У этого... Поля?

– Пауля, – поправила Трефф, устраиваясь поудобнее в постели. – Он из Германии, кажется. Я уже написала ему...

– И подписалась?

Трефф, кажется, поняла его тревогу и слабо улыбнулась.

– Я не подписывалась Треффом. Я просто сказала, что прочитала текст, что мне он показался интересным. Спросила, откуда он знает про художников, почему пишет про Россию, почему – по-русски... В общем, изобразила невинный интерес к его персоне в надежде вызвать на откровенность.

– Ну вот и отлично! – преувеличенно бодро воскликнул Рэй. – Значит, теперь ты вполне можешь ни о чем не думать и просто поспать!

Трефф зевнула. Рэй вышел из комнаты и снова перечитал текст. Пауль, значит. Из Германии. Ладно, посмотрим, что за Пауль.

Вот и новый читательский отклик! Прижимая к носу пропитанный кровью платок – как будто мало этих дурацких приступов, в последние дни начались еще и носовые кровотечения – Пауль разглядывал закрытый конвертик в почтовом ящике. Письмо на русском языке, отправленное через литературный портал. Обычно читатели оставляли однотипные отклики под рассказами, что-нибудь вроде: «Спасибо, понравилось» или наоборот: «Аффтар, убейся», но редко кто писал в личку. Была одна дама, которая долго и занудно жаловалась на якобы плагиат – но Пауль так и не понял, кто у кого и что украл – да еще какой-то псих, который переслал ему целый памфлет, кончавшийся словами: «Я бы вас, фрицев графоманствующих, собственными руками передушил». И это под безобидной сказкой о ферме плюшевых зверюшек и ее маленькой хозяйке... Неприятно. Пауль даже хотел тогда сменить имя на авторской страничке, назваться Павлом, но из упрямства оставил все, как есть, да еще в графе «страна» – прежде не заполненной – гордо указал «Германия». Пусть видят и знают. Подумаешь, напугали ежа.

Он недоверчиво кликнул на конвертик, и письмо открылось. Пауль быстро пробежал его глазами... потом медленно перечитал и заулыбался. Даже кровотечение прекратилось и ставшая привычной слабость отступила, сменившись радостным возбуждением. «Наверное, у меня все-таки что-то нервное», – отметил он про себя как бы между прочим. Эта мысль успокаивала.

Девушка представилась Викторией, дизайнером из Москвы.

«Уважаемый Пауль! Меня заинтересовал Ваш роман об уличных художниках. Он получается таким правдивым. Я тоже имею некоторое отношение к миру стрит-арта и обо всем, что Вы пишете, знаю не по наслышке...» Далее шли обычные вопросы: кто он, откуда, почему пишет по-русски и где черпает свои сюжеты, и скоро ли будет продолжение... Последний вопрос особенно порадовал. «Значит, все, что я делаю – не зря, – сказал себе Пауль. – Значит, людям нужно».

Ему сразу захотелось работать, писать до утра, по несколько глав в сутки, тем более, что где-то в глубине сознания горела красная сторожевая лампочка – торопись, не успеешь. Что-то было не так, не правильно, и это «не так» с каждым днем делалось все заметнее и отчетливее. Все труднее становилось отодвигать его в тень.

Пауль сидел с раскрытым ноутбуком на коленях, и по его губам блуждала отрешенная улыбка. А говорят, что русские девушки красивые... Интересно, кто эта Виктория? Как она выглядит? После двух-трех писем можно будет попросить фотографию. А потом и свою прислать. Он на фотографиях получается лучше, чем в жизни. А там уже, – Пауль расслабился и отпустил фантазию, как собачку с поводка, – могли бы и в реале встретиться. А что? До России всего три часа лету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.